

Статьи

ТИМОФЕЙ А. ДМИТРИЕВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-7476-0983

Макс Вебер: вехи интеллектуальной биографии

doi: 10.22394/2074-0492-2020-4-8-44

Резюме:

Статья посвящена историко-биографическим исследованиям жизни и творчества Макса Вебера. Завершение публикации издательством «Mohr Siebeck» в 2018 г. академического Полного собрания сочинений Макса Вебера не только позволило поставить на новую текстологическую основу систематизацию трудов Вебера в целях общего теоретического обоснования и самопрояснения социологии, но и вывело на новый уровень работу над историко-биографическими исследованиями, посвященными жизни и творчеству М. Вебера. Это было достигнуто за счет введения в оборот значительного числа новых источников и уточнения старых. В центре статьи находится анализ историко-биографических исследований о М. Вебере с упором на его последнюю интеллектуальную биографию, опубликованную в 2019 г. и написанную Гангольфом Хюбингером, одним из ведущих немецких вебероведов и издателей академического Полного собрания сочинений Вебера. Значительную часть этой работы составили публикации, появившиеся в процессе работы над изданием полного академического собрания сочинений и писем Макса Вебера, в осуществлении которого Хюбингер принимал участие начиная еще с 1980-х годов, а с 2004 г. — в качестве члена редакционной коллегии этого монументального проекта и редактора отдельных томов. Новая интеллектуальная биография Вебера строится на развертывании нескольких сквозных тем, — социальной и культурной характеристики переломной эпохи в развитии «организованного модерна» на Западе, становлении Вебера как личности и ученого, интеллектуализации мира модерна и его последствий, разработки Вебером новой политической науки — политической социологии, а также на анализе академических и интеллектуальных сетей, в которые Вебер был вовлечен как ученый и политик. Важное достоин-

Дмитриев Тимофей Александрович — кандидат философских наук, доцент факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. Научные интересы: история политической философии Западного нового и новейшего времени, историческая социология модерна, культурно-историческая антропология. E-mail: tdmitriev@hse.ru

ство новой биографии Вебера состоит также в том, в том, что в ее заключительных главах автор дает развернутую характеристику состояния исследования теоретического наследия Вебера сегодня и перспектив развития «парадигмы Вебера» в современных социальных и гуманитарных науках.

Ключевые слова: культурный перелом рубежа XIX-XX вв., организованный модерн, демократизация массовой политики, интеллектуализация и рационализация мира, интеллектуалы, политическая социология, академические и интеллектуальные сети, «парадигма Вебера»

Timofey A. Dmitriev

HSE University, Moscow, Russia

Max Weber: Milestones of an Intellectual Biography

Abstract:

The article reviews current historical research on the life and work of Max Weber. The completion of the *Max Weber Gesamtausgabe* (Collected Works) by the Mohr Siebeck publishing house not only made it possible to put a new textual basis behind the systematization of Weber's legacy — which is key for a general theoretical grounding and self-explanation of sociology — but also elevated historical and biographical studies devoted to Weber. This has been achieved by introducing many new sources and clarifying old ones. The article is based on an analysis of Weber's most recent intellectual biography published in 2019. It was written by Gangolf Hübinger, a German academic and a member of the MWG editorial staff since 2004. Hübinger's book presents Weber's life as a convergence of some concentric circles that revolve around several major themes. Among them are social and cultural features of "organized modernity" as the turning point era in the history of the West; the formative years of Weber as an individual and a scholar; the intellectualization of modernity and its consequences; Weber's invention of a new academic discipline, political sociology; the intellectual networks with which Weber was involved as a scholar and politician. An important advantage of this new biography is that it provides a detailed description of the current study of Weber's theoretical legacy and the prospects for the development of a "Weberian paradigm" in today's social science and humanities.

Keywords: cultural turning point of the turn of the XIX-XX centuries, "organized modernity", democratization of mass politics, intellectualization and rationalization of the world, intellectuals, political sociology, academic and intellectual networks, "Weberian paradigm"

Timofey A. Dmitriev — Associate Professor, HSE University, Faculty of Humanities, Moscow, Russia. Research interests: history of Western modern and contemporary political thought, historical sociology of modernity, cultural and historical anthropology. E-mail: tdmitriev@hse.ru

К настоящему времени в мировом вебероведении сложился довольно обширный корпус исследований, посвященных жизни и творчеству Макса Вебера. К произведениям преимущественно биографического жанра, сочетающим рассказ о жизненном пути Вебера с отчетом о его идейном развитии, можно отнести в порядке их появления биографию Вебера, написанную его женой Марианной [Weber 1926; Вебер 2007], комментированные собрания документов о жизни и творчестве Вебера, изданные Рене Кёнигом и Йоханнесом Винкельманом [König, Winkelmann 1963] и Эдуардом Баумгартеном [Baumgarten 1964], а также биографию М. Вебера, написанную Хансом-Норбертом Фюгеном [Fügen 1985] для популярной биографической серии издательства «Rowohlt». Работы, выполненные в жанре интеллектуального портрета великого мыслителя и затрагивающие ключевые вехи его жизненной и идейной эволюции, были написаны Вольфгангом Моммзенем [Mommsen 1974a (1959)], Рейнхардтом Бендиксом [Bendix 1960], Франко Ферраротти [Ferrarotti 1978, 1982] и Фрицем Рингером [Ringer 2004]. К ним можно добавить работы, содержащие реконструкцию проблемно-идейного комплекса теорий, концепций и понятий великого немецкого мыслителя, которые после окончания Второй мировой войны мы находим — опять-таки в порядке их публикации — у Жюльена Фройнда [Freund 1966], Раймона Арона [Арон 1993 (1967)], Артура Мицмана [Mitzman 1970], Энтони Гидденса [Giddens 1971, 1972], Вольфганга Моммзена [Mommsen 1974b], Станислава Андрески [Andreski 1984], Рэндалла Коллинза [Collins 1986], Вильгельма Хённиса [Hennis 1987], Лоуренса Скаффа [Scaff 1989], Ханса-Петера Мюллера [Müller 2007].

Ситуация первых двух десятилетий XXI века отмечена лавинообразным ростом публикаций о Максе Вебере биографического характера. Даже если брать в расчет только монографии, то и тут количество работ, опубликованных за последние годы, выглядит довольно внушительно. В 2005 г. появляется биография Вебера, написанная Иоахимом Радкау [Radkau 2005], а в 2014-м — сразу две биографии Вебера, одна из которых принадлежит перу социолога Дирка Кеслера [Käsler 2014], а другая — журналиста газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung» Юргена Каубе [Kaube 2014; Каубе 2016]. Если добавить к ним «биографически ориентированные монографии Гюнтера Рота [Roth 2001], Михаэля Зукале [Sukale 2002] и Лоуренса Скаффа [Scaff 2013], то мы получаем более 4000 страниц биографического описания, без учета сборников, посвященных личности Вебера» [Швинн, Альберт 2017: 202]. Наконец, в 2016 г. выходит в свет исследование Райнера Марио Лепсиуса «Макс Вебер и его окружение» [Lepsius 2016], посвященное академическим, интеллектуальным и общественно-политическим связям и контактам М. Вебера.

На фоне постоянно растущей биографической и систематической литературы, посвященной Макс Веберу, его жизни и теоретическому наследию, книга Гангольфа Хюбингера «Макс Вебер. Этапы и импульсы интеллектуальной биографии» [Hübinger 2019] занимает особое место. Это первая интеллектуальная биография Вебера, написанная на основе его полного собрания сочинений одним из непосредственных участников этого академического проекта.

Гангольф Хюбингер (род. в 1950 г.) — известный немецкий специалист по интеллектуальной истории, бывший профессор сравнительной истории культуры и старший научный сотрудник Центра «В/Orders in Motion» Европейского университета «Виадрины» (Франкфурт-на-Одере), член редколлегий академических собраний сочинений Макса Вебера («Max Weber-Gesamtausgabe») и Эрнста Трельча («Ernst Troeltsch-Kritische Gesamtausgabe»). В книгу вошли статьи автора, посвященные различным этапам и эпизодам интеллектуальной биографии М. Вебера, написанные в период с 1988 по 1995 и с 2004 по 2018 гг. Значительную часть этих статей составили публикации, появившиеся в процессе работы над изданием полного академического собрания сочинений и писем Макса Вебера, в осуществлении которого Хюбингер принимал участие начиная еще с 1980-х годов, причем с 2004 г. — в качестве члена редакционной коллегии этого монументального проекта и редактора его отдельных томов.

11

Подготовка к академическому изданию Полного собрания сочинений (ППС) Макса Вебера была начата немецкими учеными в 1974 г., первый том вышел в тюрбингенском издательстве «Mohr Siebeck» в 1984 г., а последний — в 2018-м¹. Издание делится на три раздела, первый из которых включает в себя социально-научное и политико-полемическое наследие Вебера в виде статей, брошюр, книг, докладов и выступлений (в общей сложности 34 тома), второй — его личную и деловую переписку (13 томов) и третий — лекционные курсы (7 томов). Что касается Г. Хюбингера, то он выступал в роли редактора-составителя и автора аналитических разделов к тому ПСС М. Вебера, где были впервые опубликованы лекции по курсу 1920 г. «Всеобщее учение о государстве и политика (социология государства)», который Вебер начал читать незадолго до своей смерти в Мюнхенском университете [Weber 2009], соредатора томов, содержащих собрание писем Вебера за 1875–1886 [Weber 2017a] и за 1903–1905 гг. [Weber 2015], а также тома, содержащего выступления и статьи Вебера времен Первой мировой войны [Weber 1984].

1 Об истории этого проекта см. [Hanke; Hübinger; Schwenkter 2010].

С завершением издания ПСС М. Вебера появилась надежная текстологическая основа не только для «систематизации его трудов с целью общего теоретического обоснования и самопрояснения социологии» [Швинн, Альберт, 2017: 201], но и для того, чтобы поставить на совершенно новый уровень работу над историко-биографическими исследованиями, посвященными жизни и творчеству М. Вебера. Интеллектуальная биография Вебера, написанная Г. Хюбингером, по праву может считаться первым опытом исследования, проведенным с новых, принципиально изменившихся благодаря завершению издания ПСС позиций современного вебероведения.

Становление ученого и политика

12

Как того и требуют законы жанра интеллектуальной биографии, Г. Хюбингер начинает со становления молодого Макса Вебера как личности и ученого. Он дает подробный очерк его взросления и учебы, причем делает это на новом материале, широко используя опубликованные не так давно в полном собрании сочинений юношеские письма М. Вебера его родным и друзьям [Weber 2017a, 2017b], которые вплоть до начала XXI века были известны лишь эпизодически, в основном благодаря тому, что на некоторые из них ссылалась жена Макса Вебера Марианна в биографии своего мужа [Вебер 2007 (1926)]. Это позволяет по-новому взглянуть на многие прежде известные эпизоды жизненного и интеллектуального формирования Вебера, иначе понять отдельные черты его личности и его отношения как со своей семьей, так и с друзьями и коллегами из академической среды.

Г. Хюбингер показывает, что жизненный и интеллектуальный путь Вебера складывался из различных этапов, на каждом из которых он выступал не только в качестве актера, действующего на политической, культурной и интеллектуальной сценах немецкого модерна, но и в качестве аналитика того сценического действия, которое на них происходило. При этом позицию Вебера-ученого — аналитика и диагноста эпохи — определяло в первую очередь то, что во «всех сферах жизни» мира модерна он усматривал борьбу, происходящую между «Богом» и «дьяволом», которые в современных условиях принимают образ «безличных сил», причем «индивид должен решить, кто для него Бог и кто дьявол. И так обстоит дело со всеми сферами жизни» [Weber 1992: 101; Вебер, 1990 (1917): 726].

Подобная позиция Вебера-ученого была обусловлена прежде всего тем, что европейскую культуру рубежа XIX–XX веков он воспринимал не только как сложно устроенную благодаря ее диффе-

ренциации на различные автономные сферы, но и как сотканную из противоречий и отягощенную множеством проблем. Массовое индустриальное общество начала XX века, с которым ему довелось иметь дело как ученому и политику, обладало богатой и дифференцированной культурой, в рамках которой сталкивались друг с другом ценностные установки, характерные для разных жизненных порядков, — науки, искусства, религии, светской морали и т. д.

Эта новая европейская культура рубежа веков складывалась из трех основных элементов: массового рынка, на котором обращались материальные и духовные ценности; демократизированной картины мира и истории, а также из онаучивания социальных самоописаний общества (*Verwissenschaftlichung sozialer Selbstbeschreibungen*). Традиционные образцы когнитивного и социального порядка на заре нового века все еще сохраняли свою силу в качестве нормативных ориентиров социального действия и индивидуального выбора, однако в обществе «организованного модерна» [Wagner 1994] становилось все сложнее найти такие бесспорные религиозные или научные авторитеты, на которые можно было бы, как прежде, с полной уверенностью положиться.

Решающее значение для формирования духовного и интеллектуального облика М. Вебера автор книги придает событиям рубежа двух веков, отмеченным «культурными войнами» за толкование жизненных порядков модерна. Горизонтом веберовского мышления стал «культурный перелом» (*Kulturschwellen*), который приходится на начало XX века. Этим переломом сопровождался переход Германии от эпохи Бисмарка к эпохе Вильгельма II, который завершился поражением страны в Первой мировой войне, крушением Германской империи и провозглашением республики в 1918 г. В понимании автора книги «культурный перелом» — это такое особое время, когда «восприятие глубоких исторических изменений приводит к принципиальному изменению представлений общества о самом себе» [Hübinger 2019: 2]. В свою очередь кристаллизация новых моделей самонаблюдения общества имела следствием изменение как смысловых горизонтов, в которых люди воспринимали социальную действительность, так и их отношения к ней.

Многие современники Вебера хорошо отдавали себе отчет в том, что они живут в переломный для европейского модерна момент. Его характерным симптомом стало испытанное Европой перед Первой мировой войной «сильное ускорение», в рамках которого расширение сетей экономики, коммуникаций и торговли сочеталось с подъемом национального самосознания и обострением конкуренции между ведущими империалистическими державами [Bayly 2014]. Период послевоенного восстановления и относительной стабилизации европейского «организованного модерна» (1919–1928) был от-

мечен подъемом кризисного сознания и нарастанием пессимистических настроений, связанных с мыслями о закате европейской цивилизации.

14 Г. Хюбингер широкими мазками рисует духовную и культурную ситуацию в Германии на переломе двух веков, на фоне которой происходило становление М. Вебера как ученого и политика. Перед Первой мировой войной идея «нации» прочно заняла в Германии первое место среди высших культурных ценностей и стала организующим принципом нормативного социального порядка. Как либеральные, так и консервативные буржуазные круги были согласны друг с другом в том, что Германия должна занять принадлежащее ей по праву центральное место среди ведущих империалистических держав. Даже в католических и социал-демократических кругах, которые еще в 1870-е — 1880-е годы при канцлере Бисмарке подвергались правительственным преследованиям и запретам и испытывали давление со стороны прусско-германского государства и гегемониальной протестантской культуры, националистические настроения на рубеже веков получили широкое распространение. Начиная с 1900 г. решающее значение для изменения политических настроений в Германской империи имели процессы демократизации и расширения гражданских прав, связанные с демократическим притязанием масс на равноправное участие во всех благах цивилизации общего немецкого «отечества».

Историки имеют обыкновение прибегать к рассуждениям о «лаборатории модерна», дабы показать, как после 1880 г. в странах Западной и Центральной Европы ускоряются «базовые процессы» индустриализации, национализации, урбанизации, демократизации, индивидуализации и онаучивания социального знания. Культура также не стоит на месте, поскольку в это же самое время «социальные эксперты и интеллектуалы, художники и политики, инженеры и предприниматели» создают «новые образцы порядка, политические формы, стили жизни и жизненные миры» [Raphael 2011: 10]. Следствием этих социальных и культурных новаций становится переворот в культурной жизни обществ модерна, происходящий на рубеже двух веков.

Если эпохальный переворот 1800 г. был отмечен «двойной революцией» (термин принадлежит английскому историку Эрику Хобсбауму) — промышленной (в Англии) и демократической (во Франции и сопредельных с ней державах) [Хобсбаум 1999а], — то применительно к эпохальному перевороту 1900 г. можно говорить об аналогичной двойной «культурной революции». С одной стороны, жизнь европейских массовых обществ начала XX века характеризуется плюрализацией и демократизацией форм жизни и картин мира. С другой стороны, быстрое изменение восприятий современных

жизненных отношений ведет к появлению новых методов научного самоописания явлений общественно-политической, социальной и культурной жизни [Hübinger 2019: 3-4].

Хюбингер полагает, что Макса Вебера следует считать сыном всех этих революционных преобразований, воплощенных в культурном переломе, ведущем к новой эпохе. Он принадлежал к элите, состоящей из людей знания, которые накануне и в годы Первой мировой войны работали над разрешением целого комплекса проблем. В его центре стоял вопрос, в каком направлении пойдет в будущем развитие той конкретной исторической констелляции, которая сложилась на Западе к началу XX века и состояла из глобального капитализма, суверенных национальных государств и демократической массовой политики. На решение этой теоретической задачи, тесно связанной с актуальными общественно-политическими проблемами, стоявшими перед Германской империей, было ориентировано создание Вебером социологии как науки о социальной действительности.

Макс Вебер был трезвым мыслителем и последовательным идейным борцом. Он вел жизнь ученого-интеллектуала и принадлежал к тем социальным ученым, которые посвятили всю свою жизнь онаучиванию социального мышления в «лаборатории модерна». Характеризуя идейный космос Макса Вебера, Хюбингер [Hübinger 2019: 331] отмечает, что его ядро составляли проблемы методического мышления и постижения логики всемирной истории, либерального диагноза эпохи и находящегося в его центре антагонизма между капитализмом и демократией.

В процессе непрерывного теоретического осмысления «социальной действительности» Вебер со всей ответственностью ученого воспринял импульс, данный социальной науке культурным переломом на рубеже 1900 г., и предпринял попытку при помощи выработки нового аналитического языка, новаторской понятийно-критической постановки общественно-политических проблем и перестройки социально-научного знания за счет его целенаправленной «социологизации» дать разностороннее описание современного мира в новую эпоху его истории, а также диагностировать основные тенденции его развития. Не меньший вклад внес он и в идейно-политическую борьбу своего времени, в рамках которой он выступал в роли мыслителя и политика, стоящего одновременно на либеральных и националистических позициях.

Эта двойственность позиций Вебера-ученого и Вебера-политика отчетливо прослеживается на протяжении всей его жизненной и интеллектуальной эволюции, в ходе которой буржуазная радикальность сочеталась с научным интеллектуализмом. Складывается впечатление, пишет Г. Хюбингер, что жизненное и творческое

предназначение М. Вебера состояло в том, чтобы быть одновременно радикалом и рационалистом и постоянно жить в этом внутреннем напряжении¹.

Стиль мышления Вебера автор книги характеризует как «конфликт-либерализм» (Konfliktliberalismus) [Hübinger 2019: 9, 325, 338–340]². Отличительными чертами этой политической и мировоззренческой позиции, которая отличала М. Вебера от его соратников по либеральному лагерю, была высокая оценка конфликта и борьбы как неизбежной составляющей не только общественно-политической, но и культурной жизни [Ibid.: 161–180], а также особый акцент на свободе индивида, его индивидуальных гражданских правах и жизненных шансах [Ibid.: 339]³. В фокусе стиля мышления М. Вебера, выдержанного в духе конфликт-либерализма, находился круг вопросов, который составлял центральную повестку германской, европейской и международной политики в первые десятилетия XX века. Как отмечает Г. Хюбингер [Ibid.: 242], важнейшими из них, которые легли в основу политического мышления Вебера, были «стремление

- 1 Такой взгляд на жизненный и творческий путь Вебера не является открытием автора разбираемой нами работы. Уже в первой биографии Вебера, написанной вскоре после смерти Вебера его женой Марианной, последняя, давая характеристику духовных интересов, занимавших ее мужа, отмечала, что отношение Вебера к тем вопросам, которые он затрагивает в своих исследованиях о природе современной науки и о той роли, которую она играет в современном мире, «имеет не только предметное, но в большой степени и биографическое значение; оно прямо ведет к центру его духовной личности». В них, пишет Марианна Вебер, «мы познаем также здесь поднятое до надличностного размежевание между двумя одинаково сильными сторонами его сущности — активной и созерцательной, между интеллектом, направленным на свободное от предрассудков, универсальное, мыслящее господство над миром, и столь же сильной способностью создавать убеждения и решительно их отстаивать» [Вебер 2007 (1926): 275].
- 2 На значение М. Вебера как теоретика конфликта после 1945 г. впервые пристальное внимание обратил Ральф Дарендорф в своей работе «Общество и демократия в Германии» [Dahrendorf 1965]. В вебероведческой литературе последних десятилетий взгляд на Макса Вебера как на теоретика конфликта особенно активно проводит Рэндал Коллинз [Collins, 1994; Коллинз 2009]. Коллинз характеризует М. Вебера как продолжателя и представителя следующего за Марксом «поколения исторической традиции конфликта германского идейного мира» и подчеркивает, что «его многомерная [теоретическая] перспектива делала его в фундаментальном смысле теоретиком конфликта» [Коллинз 2009: 97, 100].
- 3 «Из культурной жизни, — подчеркивал Вебер в статье «Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке» (1917), — нельзя исключить *борьбу*. Можно изменить ее средства, ее объект, даже ее основное направление и носителей, но только не борьбу как таковую» [Weber 2018: 482; Вебер 1990 (1918): 575–576].

могущественных национальных государств к занятию подобающего им положения в мире, парламентаризация конституционного устройства Германской империи и необходимость отказа от патриархальности в социальной политике». Свою проверку на прочность веберовскому конфликт-либерализму пришлось пройти в ходе Ноябрьской революции 1918 г. и последовавших за ней событий, когда создание Веймарской республики перевело проблему взаимного влияния историко-социологического мышления порядка и политических ценностей из разряда политической теории в разряд политической практики. В ту пору из круга гейдельбергских ученых вышло немало любопытных идей относительно того, как могли бы сочетаться на немецкой почве капиталистическое хозяйство и демократическое господство. Акцент при этом был сделан на элитарно-демократические структуры, в рамках которых формирование новых республиканских элит должно было сопровождаться демократической легитимацией их притязаний на власть со стороны немецкого массового общества. Г. Хюбингер сравнивает проекты политического переустройства Германии на новых демократических началах, предложенные М. Вебером, с проектами, сформулированными Эрнстом Трёлчем и братом Макса Вебера Альфредом, с тем, чтобы показать различия и нюансы программ демократических реформ германской государственности в рамках общей либеральной позиции. Важным итогом этого сопоставления является вывод автора книги о том, что в отличие от М. Вебера, политическим горизонтом либерализма которого всегда оставалось могущественное национальное государство, проводящее активную, наступательную империалистическую политику на мировой арене, в работах Э. Трельча и А. Вебера 1918–1923 гг. появляется новый, более широкий политический горизонт, не ограниченный сугубо германскими рамками, но включающий в себя учет общих исторических судеб Европы в целом [Ibid.: 296].

17

Интеллектуализация мира и ее последствия

Практически все биографы Макса Вебера отмечают, что, несмотря на его стремление играть активную роль в немецкой общественно-политической жизни, он считал себя прежде всего ученым. Его позиция как ученого по отношению к науке вообще и немецкому академическому миру начала XX века в частности была двойственной. С одной стороны, он сам был активным участником «процесса интеллектуализации», которому в ту пору подвергался культурный мир модерна вследствие растущего онаучивания социального мышления. С другой стороны, он, как никто другой в его эпоху, сумел поставить под вопрос самостоятельную «ценность» науки как одного из жизненных порядков модерна [Hübinger 2019: 9].

Исходя из своего понимания опыта «культурного перелома» эпохи, Вебер в докладе «Наука как призвание и профессия», сделанном в 1917 г., говорил, что современная наука не дает ее adeptам нормативных принципов для личного образа жизни или же для обустройства социальных порядков. Шарлатаном следует считать того, кто в наши дни берется от имени науки указать пути к «истинному бытию», «истинному искусству», «истинной природе», «истинному Богу» или «истинному счастью» [Weber 1992: 93; Вебер 1990 (1917): 718]. Не признавая за современной наукой права на руководство жизненным поведением индивидов, М. Вебер в то же время достаточно высоко оценивал когнитивный потенциал современной социологии как «науки о действительности» и видел в ней главную социальную науку модерна, которая помогает нам понять, как устроен современный мир и в каком направлении он развивается.

18

Вебер-ученый увязывал «судьбу нашей эпохи» с «характерной для нее рационализацией и интеллектуализацией и прежде всего расколдовыванием мира» [Weber 1992: 109; Вебер 1990 (1917): 733-734]. Вопрос о том, что собой представляет процесс «рационализации» в мире модерна, составлял постоянную тему его исследований. Материал для них давали ему прежде всего немецкая наука и культура рубежа двух эпох. Процессы развития как академической, так и массовой культуры в Германской империи во времена Вильгельма II были отмечены далеко зашедшими процессами интеллектуализации и профессионализации. Быстрый рост средств массовой печати и коммуникации в сочетании с отменой государственной цензуры способствовали тому, что культурная плюрализация достигла на рубеже веков нового качества.

Профессионализация ремесла журналиста может служить важнейшим индикатором перехода от буржуазной элитарной к демократической массовой культуре. В Германии той поры выходило порядка 4000 газет. На рубеже 1900 г. немецкое общество становится массовым обществом, что находит свое выражение в ежедневной многотиражной прессе, которая в своем политическом многоголосье в качестве «четвертой власти» превращается в движущую силу плюрализма и конкуренции на массовом рынке, где соперничают между собой религиозная и светская картины мира, коллективные представления об организации социальной действительности, централизованные на обществе в целом или на отдельных социально-профессиональных группах, а также индивидуально или коллективно оформленные нормативные образцы личного поведения [Hübinger 2019: 3]. Вебер с большим вниманием следил за этими изменениями и за борьбой старых и новых группировок интеллектуалов в публичной культуре Германии рубежа двух веков.

Важное открытие, которое Г. Хюбингер делает в своей новой книге, заключается в том, что, по его мнению, профессиональный журналист для Вебера служил примером скорее положительного, нежели отрицательного типа человека интеллектуального труда в современную эпоху. В 1910-е годы Вебер проявлял серьезный интерес к журналистам и журналистике и даже разработал ряд проектов, направленных на исследование этой динамично развивавшейся культурной среды. Он полагал, что изучение этих вопросов поможет социально-научному прояснению того, «как эти влияния должны воздействовать на формирование современного человека». Применительно к массовой прессе и ее воздействию на современное общество Вебера [Вебер 2007 (1926): 357] прежде всего интересовал вопрос, «в какой мере она производит сдвиг в отношении к надындивидуальным благам культуры, что она уничтожает и что создает в области веры и надежд масс, в чувстве жизни».

На этом фоне досадным упущением автора книги выглядит то, что, посвящая целую главу отношению Вебера к журналистике и профессии журналиста в Германии эпохи Вильгельма II [Hübinger 2019: 103-116], Г. Хюбингер ограничивается реконструкцией академического интереса Вебера к этой профессии, но совершенно не затрагивает непростую историю многочисленных скандалов и конфликтных ситуаций, связанных с искажением немецкой прессой мнений и высказываний Вебера по самому широкому кругу общественно-значимых вопросов, что в свою очередь требовало от Вебера разъяснений публичного толка и наносило немалый ущерб его репутации. Если бы автору удалось осветить еще и эти коллизии, то нарисованная им картина отношений Вебера с прессой и журналистами заиграла бы новыми красками.

Правда, справедливости ради стоит отметить, что Вебер вовсе не дезавуировал роль современных интеллектуалов, в том числе журналистов, в их противоположности традиционным кругам буржуазии, привилегированной посредством образования (*Bildungsbürgertum*); напротив, он оценивает их культурное значение очень высоко. В частности, по поводу роли журналистов в мире «организованного модерна» вообще и в Германии в эпоху Вильгельма II, в частности, Вебер, в полном согласии с антиномическим характером своего мышления, высказывается в том духе, что, если «литераторы» заколдовывают картины мира и отношения господства, подсовывая тем самым общественности ложные ориентиры, то «журналисты», напротив, расколдовывают их [Ibid.: 111-112].

Культурную власть книги и печатной прессы в немецкой культуре рубежа двух веков нередко принято характеризовать с помощью ярлыка «интеллектуализма» (*Intellektualismus*). Вебер превратил это общеупотребимое понятие тогдашнего дискурса в социаль-

но-научное понятие «интеллектуализации» (Intellektualisierung), выражающее определенный вектор всемирно-исторического развития¹, и связал его с понятием «интеллектуал» (Intellektuelle), которое он использует для обозначения людей знания, вовлеченных в идейные дебаты по поводу проблем общественно-политической и культурной жизни и создающих нормативные стандарты жизненного поведения как отдельных индивидов, так и больших человеческих объединений и коллективов. При этом «он направил споры об интеллектуалах в иное русло, чем во Франции, где это понятие в то время сделало политическую карьеру. В гораздо более всеобъемлющем культурно-социологическом смысле Вебер рассуждает об интеллектуалах, начиная с возникновения древних мировых религий и вплоть до русской революции, как об операторах идей, посредниках между религией и миром и сословии носителей связанной с действием идейной борьбы» [Ibid.: 7]².

Благодаря подобным содержательным трансформациям понятие «интеллектуалы», как убедительно показывает Г. Хюбингер, начиная с 1913 г. становится важнейшей концептуальной новацией в аналитическом словаре социологии М. Вебера. Он использует это понятие в целях социально-научного анализа и социальной критики сразу в трех областях: в качестве систематического понятия в своей теории социального действия, в исторической социологии религии и в политической публицистике. С точки зрения систематической и исторической социологии М. Вебера, интеллектуалы служат своего рода «посредниками в ориентации» (Weichensteller) в том, что касается направления жизненного поведения, социального действия и политического движения масс. Имея в виду «своеобразие интеллектуальных слоев» и ту роль, которую они сыграли в мировой истории, Вебер при переработке своей «Хозяйственной этики мировых религий» в 1920 г. специально вставил в нее часто цитируемый пассаж о значении «картин мира», создаваемых «идеями», для мировой истории, которые «очень часто служили вехами

20

1 «Научный прогресс, — отмечал Вебер в своем докладе «Наука как призвание и профессия», — является частью, и притом важнейшей частью того процесса интеллектуализации, который происходит с нами на протяжении тысячелетий» [Weber 1992: 86; Вебер 1990 (1917): 713].

2 Говоря о «политической карьере», которую понятие «интеллектуалы» на рубеже двух веков сделало во Франции, Г. Хюбингер имеет в виду историю появления полемико-политического термина «интеллектуал» в политическом дискурсе современной эпохи, связанную с так называемым «делом Дрейфуса» во Франции 1890-х годов. О деле Дрейфуса и его влиянии на появление новых форм самосознания и идентификации современных «интеллектуалов» см. [Шарль 2005: 134-176].

(Weichensteller), указывающими путь, по которому следовала динамика интересов. Картина мира определяла ведь, “от чего” и “в чем” искали спасения и об этом надлежит помнить — могли его обрести» [Weber 1989: 101; Вебер 1994 (1920): 55]. Однако в отличие от немецкого историцизма XIX века в социологической систематике Вебера идеи воздействуют на ход мировой истории не непосредственно, но исключительно через своих социальных носителей, в роли которых выступают различные конкретно-исторические слои интеллектуалов.

Помимо понятия «интеллектуал» Вебер пользовался в своих публикациях терминами «литератор» (Literat) и «журналист» (Journalist), чтобы с их помощью концептуализировать и политически оценить изменение роли интеллектуалов на рубеже двух веков в связи с социальным упадком буржуазных слоев XIX века, привилегированной посредством образования. Оба понятия ведут в самое средоточие саморефлексии Вебера как ученого и политика. Как в полемико-политической остроте, так и в аналитической строгости оба они идеально-типически увязывают существенные признаки интеллектуальных профессий вильгельмовской эпохи. При этом в противоположность типу профессионального журналиста другой тип современного интеллектуала, именуемый «литератором», Вебер оценивал резко негативно¹. К нему он относит своих образованных современников, чьи политические суждения не прошли школу основных социологических познаний; всех тех «людей знания», кто не способен отдать должное социальным антагонизмам и противоречиям между базовыми институтами современного экономического и общественно-политического устройства, таким как капиталистическое предпринимательство и профсоюзы, партии и бюрократия, — в качестве движущих сил развития «организованного модерна» на Западе; наконец, всех тех, кто романтикой образов идеализированного будущего или же прошлого сбивал политическую общественность с верного пути [Hübinger 2019: 107-108].

1 Само понятие «литератор» имело широкое хождение в немецком полемико-политическом языковом ареале уже в XIX в. Например, в третьей части знаменитого «Манифеста Коммунистической партии», написанного и опубликованного К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1848 г., в разделе «Немецкий, или Истинный» социализм» по поводу тогдашних идеологов немецкого социализма можно прочитать, что «вся работа немецких литераторов состояла исключительно в том, чтобы примирить новые французские идеи со своей старой философской совестью или, вернее, в том, чтобы усвоить французские идеи со своей философской точки зрения» [Маркс, Энгельс 1955 (1848): 451].

В политической публицистике Макса Вебера 1917–1919 гг., а также в его докладах «Наука как призвание и профессия» (1917) и «Политика как призвание и профессия» (1919), рассчитанных в первую очередь на молодых ученых, мы находим мощнейшую атаку на «романтический интеллектуализм» и на «интеллектуалов кофеен». Социальные последствия их влияния он открывает в юношеском движении, ориентированном на реформу жизни; свое концентрированное выражение эти тенденции получают в мессианизме социалистов. В юношеском движении протест у Вебера вызывало прежде всего все более заметное бегство от жизненных порядков культуры капитализма и правового государства. Что же касается социализма, то он нес с собой прямую угрозу разрушения данных порядков. Подтверждение своим опасениям Вебер получил во время культурных сессий в замке Лауэнштейн весной и осенью 1917 г. Здесь перед ним прошла целая вереница современных интеллектуалов разного склада: приверженцев литературного экспрессионизма, романтического государственного социализма или же «душевной политики». В противовес интеллектуалам — носителям этих массовых настроений и ценностных ориентаций Вебер «защищает ценности буржуазно-рационального жизненного поведения против новых революционно-антибуржуазных культурных течений» [Ibid.: 112]. Именно этим определялась глубинная причина его оппозиции как к юношескому движению с его планами далеко идущей реформы немецкой жизни, так и к различным социалистическим, анархистским или же консервативно-патерналистским утопиям перестройки общественно-политических порядков.

Новая политическая наука для нового мира

За последние сто лет в вебероведении появилось не так много работ, целиком посвященных политической теории и политической мысли Макса Вебера. Наиболее значительные из них представлены исследованиями Якоба-Петера Мейера [Mayer 1956], ученика Вебера Карла Лёвенштейна [Löwenstein 1965], Вольфганга Моммзена [Mommssen 1974a], Энтони Гидденса [Giddens 1972], Дэвида Битема [Beetham 1974] и Стефана Бройера [Breuer, 1991; 1994]. Тем ценнее те новейшие разработки, которые позволяют уточнить эволюцию политических воззрений М. Вебера и прояснить характер его концепций в области политической теории, понять этапы ее формирования в контексте политических перемен и политического опыта рубежа XIX–XX веков.

Распространение феномена массовой политики в сочетании с интенсивными процессами онаучивания социального мышления требовало появления новых научных дисциплин, ориентиро-

ванных на осмысление массовых явлений общественно-политической жизни, характерных для индустриального общества начала XX века. Новому миру, рожденному на переломе веков, была нужна новая политическая наука¹. Подобная постановка вопроса вплотную подводида европейских ученых и интеллектуалов к изучению того, каким образом структурные изменения форм политического господства влекут за собой появление новых форм политического знания.

На рубеже XIX и XX веков Западная Европа находилась в процессе масштабных трансформаций, которые вели к превращению либерального буржуазного общества в индустриально-капиталистическое массовое общество. В этот период европейские народы испытали резкое «ускорение» всех «жизненных порядков», что повлекло за собой грандиозные последствия. Мир повседневной жизни во всех своих проявлениях все больше подчиняется ритму высокотехнизированного труда. Распространение массового образования способствовало развитию грамотности и появлению массового рынка печатной продукции. Возникает новый политический массовый рынок, на котором массовому избирателю предлагаются разнообразные идейные альтернативы, а также политические повестки дня, основанные на организованных интересах и продвигаемые различными акторами, действующими в рамках многопартийной системы. В ходе процесса демократизации организованные партии с профессиональными политиками во главе не только борются за власть, но временами и оспаривают легитимность существующего политического устройства. На международной арене эти процессы дополняются соперничеством «могущественных европейских держав» — «europäische Weltmächte», как их окрестил Макс Вебер, — обусловленным бурным экономическим ростом и растущими колониальными притязаниями.

23

Везде, где общества испытывали такие масштабные изменения жизненных форм, возникала острая потребность в новых научных критериях политического самонаблюдения и самоописания. Изменившийся политический ландшафт обществ модерна требовал нового социально-научного знания о нем, которое должна была дать новая политическая наука. Именно благодаря этому обстоятельству «эра демократизации оказалась золотым веком для новой политической социологии, которую создали Дюркгейм и Сорель, Остро-

1 Такую формулировку вопроса мы находим уже у выдающихся политических мыслителей Запада XIX в. «Совершенно новому миру нужна новая политическая наука», — писал Алексис де Токвиль в предисловии к своему *opus magnum* «Демократия в Америке» (1835/1840) [Токвиль 1992: 30]. Перевод исправлен мной. — Т.Д.

горский и [Сидней и Беатриса] Уэбб, а также Моска, Парето, Роберт Михельс и Макс Вебер» [Хобсбаум 1999b: 128, 129]¹.

В Германии в 1910-е годы над решением задачи создания новой политической науки активно работали Макс Вебер и его друг и коллега Роберт Михельс (1876–1936). В фокусе исследовательских интересов этой новой науки оказались прежде всего итоги и последствия первой волны «демократизации» европейского модерна (1875–1914) — образование новых политических и культурных элит, их шансы на завоевание при помощи демагогии политического расположения масс, борьба новых массовых политических партий за власть, массовая пресса как «четвертая власть», а также роль парламента и всеобщего избирательного права в условиях массовой демократии.

24 Вебер и Михельс исследовали пути европейского и американского модерна XX века, поставив во главу угла ориентированное на методы социальных наук осмысление таких новых политических явлений, как массовые забастовки, синдикализм в рабочем движении, организованное профсоюзное движение и социальная политика государственных бюрократий. В публичных дебатах времен Германской империи они, однако, отдавали предпочтение разным моделям общественно-политического порядка. Если Вебер всегда заявлял о себе как о сознательном члене буржуазных классов и выступал с позиций индивидуалистического гуманизма², то Михельс испытывал сперва симпатии к социализму, а затем — к итальянскому фашизму. Тем не менее, как отмечает Г. Хюбингер, «в критическом диалоге оба они многому научились друг у друга; за десять лет их плодотворного обмена они заложили основы политической социологии» [Hübinger 2019: 185].

1 Перевод исправлен мной. — Т.Д.

2 Одним из первых, кто обратил внимание на эту черту либерального мировоззрения Макса Вебера и связал ее с его теоретической социологией и концепцией идеальных типов, был известный немецкий веберовед Вольфганг Моммзен. Он, в частности, отмечал, что «радикально индивидуалистическая точка отсчета социологического метода Макса Вебера, который вслед за Дройзеном в односторонней манере признавал только волевые действия индивидов в качестве атомов социальной действительности при ее исследовании, может быть понята только в контексте европейской гуманистической традиции с ее высокой оценкой индивидуальности», а «такие понятия, как харизма, господство, борьба, конкуренция, аскетизм и профессионализм (Berufsmenschentum), в их специфической связи, вовсе не были результатом эмпирического анализа действительности, как полагал Вебер; они были укоренены в центральных аксиомах его в высшей степени лично окрашенного мировоззрения» [Mommesen 1974a (1959): 65–66].

В «век империи» политическая наука была вынуждена расширить свои горизонты и изменить свою картину истории. Феномен политического «господства» в рамках современного государства можно было адекватно понять, лишь поместив его в более широкий контекст общеевропейского процесса развития, который в свою очередь требовал учета еще более широкого контекста мировой экономики и международных отношений. Такая постановка вопроса требовала отказа от романтической идеи особого немецкого пути и особого немецкого «понимания государства» как служения индивида общественному целому и вела к признанию универсального значения демократических политических форм для обществ модерна. Именно об этом Вебер писал в преамбуле к своей статье «Парламент и правительство в по-новому устроенной Германии» (1918), делая основной акцент на мысли о том, что «для современного демократического государства существует не сколько угодно, а лишь ограниченное количество форм. Для дельного политика существенный вопрос, на который надо отвечать в зависимости от политических задач нации, сводится к следующему: какие из этих форм целесообразны для его государства в тех или иных конкретных случаях? Лишь достойное сожаления неверие в собственные силы германства может ошибочно полагать, что немецкая сущность будет поставлена под сомнение, если мы будем разделять с другими народами целесообразные государственно-политические институты» [Weber 1984: 434; Вебер 2003 (1918a): 110]¹.

25

Онаучивание мышления о социальном порядке в сочетании с демократизацией общественно-политической жизни требовало от немецких ученых мужей уяснения того, какое место научное осмысление политики должно занимать в ряду правовых, исторических и социально-экономических дисциплин. При этом создание и освоение новых форм научного описания и осмысления массовой политики в Германии на рубеже двух веков осложнялось тем, что в корпусе академических дисциплин, преподававшихся в ту пору в немецких университетах, не была представлена политическая наука в качестве самостоятельной дисциплины. Ее место занимал обширный и сложный комплекс наук о государстве и праве (Staatswissenschaften), которому в немецких университетах той поры соответствовали учебные курсы под общим названием «Общее учение о государстве и политика» («Allgemeine Staatslehre und Politik»). Этот сложный комплекс наук о государстве и праве не стоял на месте, но находился в процессе весьма примечательной эволюции, одной из отличительных черт которой было постепенное

1 Перевод исправлен мной. — Т.Д.

отделение исторического учения о конституции от систематического учения о государстве и праве, которое стало набирать обороты после появления в 1890 г. «Настольного словаря наук о государстве» («Handwörterbuch der Staatswissenschaften») [Hübinger 2019: 209].

Макс Вебер был не одинок в своем стремлении дать новой форме социально-научного знания права гражданства в немецком академическом мире. Вместе с ним в данном направлении трудились такие корифеи немецкой науки рубежа двух эпох, как правовед Георг Еллинек (1851–1911) и историк Отто Хинце (1861–1940). Как полагает Г. Хюбингер, именно эти двое ученых в эпоху Германской империи (1871–1918) открыли перед политической наукой новые перспективы [Hübinger 2019: 201]. Действуя каждый в своей профессии, они, выражаясь фигурально, стремились влить молодое вино в старые мехи, т. е. перестроить привычный и давно прижившийся в немецких университетах курс «Всеобщее учение о государстве и политика» таким образом, чтобы в поле его традиционной проблематики попали новые общественно-политические явления, исследуемые при помощи современных методов социальных наук. По словам Г. Хюбингера, «они по-новому поставили в центр внимания идеальные поводы и материальные интересы, на которые ориентируется политическое действие с тем, чтобы критически рассмотреть сложность современного общества, новые техники господства, ориентированные на то, чтобы заручиться доверием масс, рост могущества государственных бюрократий, проблемы регламентации и дисциплины на крупных промышленных предприятиях, а также новые формы общественной самоорганизации в рамках крупных союзов. Благодаря преодолению границ между дисциплинами и благодаря междисциплинарному синтезу им удалось придать новое дыхание исследованию “государства как исторического и социального явления”» [Hübinger 2019: 203].

Появление в 1900 г. «Всеобщего учения о государстве» гейдельбергского правоведа Георга Еллинека, а также его статей по конституционному праву открыло новую перспективу научного понимания государства, в которой Вебер так нуждался [Jellinek 1900]. Это особенно касалось проведенного Еллинеком деления «всеобщего учения о государстве» на «всеобщее социальное учение о государстве» и «всеобщее учение о государственном праве». Как отмечает Г. Хюбингер [Hübinger 2019: 212–213], «в этой перестановке Вебер нашел плодотворный отправной пункт для тематизации государства в рамках нового научного построения учения о человеческих сообществах».

Отталкиваясь от эвристически полезного выделения «всеобщего социального учения о государстве», осуществленного Еллинеком, Макс Вебер развивает свое собственное «научное осмысле-

ние политики» в форме «социологии государства». Первым шагом на этом пути можно считать статью Вебера «Объективность социально-научного и социально-политического познания» (1904), в которой были предприняты первоначальные усилия по концептуализации понятия «государство» при помощи социологических понятий. За ней почти десятилетие спустя последовала статья «О некоторых категориях понимающей социологии» (1913), в которой была продолжена тематизация некоторых важных категорий политической социологии М. Вебера и, в частности, понятия «борьбы» («Kampf») [Weber 2018: 389-440; Вебер 1990 (1913): 495-546]. Помимо всего прочего в теоретическом плане эта статья важна тем, что в ней Вебер впервые подробно показывает, чем понятийная систематика социологии государства отличается от юридической систематики.

Однако решающий прорыв в создании социологии государства был сделан в публицистике Вебера времен Первой мировой войны. «Великую войну, — пишет Г. Хюбингер, — Вебер пережил как великий вызов в экзистенциальном смысле слова. Универсально-исторически мотивированный интерес к самым разнообразным практикам господства и их типам теперь все больше сосредоточивается на современном государстве, его институтах и на контролируемом им ресурсе насилия как во внутренней, так и во внешней политике» [Hübinger 2019: 218]. Политическая публицистика военных лет, будучи в значительной степени полемически направлена против политических элит Германской империи, сопротивлявшихся реформе политического устройства страны в направлении его демократизации, «дала Веберу повод систематизировать свои представления о процессах бюрократизации, парламентаризации и демократизации, рекрутировании политических элит, партиях и избирательном праве, федеративном устройстве, прусской гегемонии и империалистическом миропорядке» [Ibid.: 168].

Тем самым в годы войны в центр социологического анализа господства у Вебера смещается проблематика, связанная с анализом специфики государства модерна, его исторического становления в раннее Новое время в острой конкурентной борьбе с другими политическими общностями, равно как и с изучением его функций в качестве современного массового государства в форме могущественного национального государства. Для такого сдвига исследовательских интересов немецкого ученого было много причин. К их числу можно отнести и экзистенциальный опыт войны, и острую необходимость перестройки государственного устройства Германии на демократических началах после ее окончания, и успехи, достигнутые на путях научного осмысления современной политики [Ibid.: 217-218].

Как показывает Хюбингер, начиная с 1915 г. проблемы «социологии государства» занимали Вебера больше, чем любая иная проблематика политической науки. В эту пору Вебер как *homo politicus* выступает одновременно в трех ипостасях: 1) в качестве эксперта при обсуждении проблем послевоенного устройства Центральной и Западной Европы в 1916–1917 гг., а после Ноябрьской революции 1918 г. при разработке нового конституционного порядка Рейха; 2) в качестве публициста в ходе освоения немецким постреволюционным обществом новых демократических ценностей и моделей действия; 3) в качестве ученого при анализе различных типов господства [Ibid.: 7, 8, 116, 218]. По мнению Хюбингера, «эти три роли, которые он [Макс Вебер] вплоть до получения профессуры в Мюнхене пытался исполнять с равным рвением, требуют более подробного освещения как с точки зрения их разделения, отстаивавшегося самим Вебером, так и с точки зрения фактических пересечений и влияний между государственным интересом, критикой государства и теорией государства. Ведь общий для них всех исходный пункт образует структура из «государственного права», «государственной воли», «государственной идеи» и «государственной техники» [Ibid.: 218]. Четко различая эти измерения государственного мышления, Вебер подходит к их оценке с ценностной точки зрения, согласно которой выбор адекватной «государственной формы» должен быть подчинен «историческим задачам немецкой нации» [Weber 1984: 432; Вебер 2003 (1918a): 107].

Вплоть до самой смерти тщательный анализ феномена политического господства оставался для Вебера открытым экспериментальным полем. Подобно Хинце и Еллинеку, Вебер воспользовался официальным курсом «Всеобщее учение о государстве и политика» после революции 1918 г. для чтения своих лекций в Мюнхенском университете по политической социологии. Правда, к его привычному названию он добавит в скобках выражение «социология государства» (Staatssoziologie), чтобы показать, что речь идет здесь не о повторении и уточнении уже известных истин, но о новой организации и ориентации политического знания. Если «всеобщее учение о государстве» принадлежало к числу давно сложившихся учебных курсов, читавшихся в немецких университетах на юридических факультетах, то своим дополнением Вебер, судя по всему, хотел показать своим слушателям, что, номинально присоединяясь к этой академической традиции, он содержательно пытался сказать что-то новое [Hübinger 2019: 206]. Лекции о «всеобщем учении о государстве и политике (социология государства)» были анонсированы Вебером на летний семестр 1920 г. Четырехчасовая лекция должна была читаться каждый понедельник, вторник, четверг и пятницу. Первая лекция состоялась 11 мая 1920 г. в переполненной аудитории

с характерным названием «Auditorium Maximum», причем на лекции присутствовало более 500 человек, включая как записавшихся на лекции, так и многочисленных гостей. Последняя лекция курса состоялась во вторник 1 июня, поскольку 3 июня был праздник, а 4 июня лекция не состоялась по болезни Вебера, скончавшегося 14 июня 1920 г.

Часть лекций, которые не были прочитаны по причине скоропостижной кончины Вебера, сохранилась в двух копиях¹. Их сравнение может служить аутентичным свидетельством сказанного Вебером и делает возможным реконструкцию его идей. Изложение материала в них опирается на соответствующие параграфы из «Хозяйства и общества», незадолго до этого отданные Вебером в печать. Это касается первой главы «Основные социологические понятия» и третьей главы «Типы господства» [Weber 2013: 147-215; 449-591; Вебер 2016а: 67-112; 252-333]. Однако этим дело не ограничивается: наброски лекционного курса недвусмысленно свидетельствуют, что незадолго до смерти Вебер продолжал работать над уточнением тех аспектов своей социологии господства и государства, на которых он мог только вкратце остановиться в «Хозяйстве и обществе». Более того, в лекциях он стремился представить их своим слушателям наглядно, с опорой на актуальные примеры европейской и североамериканской политики последних лет и десятилетий [Hübinger 2019: 206]. Наиболее важным концептуальным новшеством, введенным Вебером в курсе лекций по социологии государства, была категория «цезаризма». Эта последняя встречается в его политической публицистике 1917-1919 гг., но отсутствует в «Хозяйстве и обществе». Тем не менее Вебер считал целесообразным использовать ее в своих лекциях 1920 г. для объяснения таких массовых практик господства плебисцитарно-аккламативного типа, которые сегодня принято называть «популистскими» [Ibid.: 7-8]².

29

Ученый в эпоху социальных перемен: Макс Вебер и его «окружени(я)»

Последние десятилетия в вебероведении отмечены пристальным вниманием исследователей к академическому и интеллектуальному окружению Макса Вебера. Для изучения подобных явлений в со-

1 Статус этих двух текстов подробно рассматривается в преамбуле издателей к их публикации в академическом собрании сочинений М. Вебера [Weber 2009: 51-62].

2 Из последних работ, посвященных категории «цезаризма» в политической социологии М. Вебера, см. [Baehr 2004: 155-174].

временной научно-исследовательской литературе широко используются понятия «кружка» (например, «Венский кружок») и «круга» («круг Стефана Георге»); в наши дни в такой динамично развивающейся дисциплине, как социология интеллектуальной жизни, все большую популярность приобретает понятие академических и социальных «сетей» [Фуллер 2018].

Подобные подходы сегодня получают все большее распространение и в биографических исследованиях, посвященных жизни и творчеству М. Вебера. В частности, современный немецкий биограф Вебера Юрген Каубе использует с этой целью понятие «круга», которое, по его мнению, позволяет наиболее адекватно описать совокупность систематических интеллектуальных и академических контактов М. Вебера. Как отмечает Каубе, «между школами и теоретическими полями существует еще одна социальная форма науки, сыгравшая важную роль в период рубежа веков. Эта форма — “круг” или “кружок”. В данном случае ученые группируются вокруг журналов, таких как “Архив социальной науки и социальной политики”, “Архив религиоведения”, или “Логос” (печатный орган философской культуры “южно-западногерманского” образца), и создают союзы, как, например, Немецкое социологическое общество (1910), цель которых — не представительство существующей научной дисциплины или школы, а обеспечение открытой дискуссии. В университетском кампусе ученые общаются, невзирая на междисциплинарные границы, и попутно обмениваются информацией о тех вопросах, над которыми они в тот момент работают. В Гейдельберге для такого общения были все условия — как раз на рубеже веков в одном этом университете оказался целый ряд профессоров с довольно близкими темами исследования» [Каубе 2016: 300]¹. В сходном ключе выполнено и недавнее исследование Райнера Марио Лепсиуса [Lepsius 2016], посвященное академическому и интеллектуальному окружению М. Вебера.

Самым известным из этих «кругов», описанным еще женой Вебера Марианной в его первой биографии, был гейдельбергский круг академических коллег, которые собирались у Вебера на вилле Фалленштайнов по воскресным дням на светские рауты, где обсуждали самый широкий круг академических, общественно-политических и культурных проблем. Такие журфиксы проводились регулярно с 1910 г., с 1912 г. у них появляется фиксированное время начала:

1 Стоит отметить, что у Каубе неверно указана дата учреждения Немецкого социологического общества (Deutsche Gesellschaft für Soziologie). В действительности эта организация была учреждена группой немецких ученых в Берлине не в 1910 г., а 30 января 1909 г.

с 16 часов по воскресеньям. Макс и Марианна Веберы выступают здесь в качестве радушных хозяев, хотя беседы нередко выливаются в многочасовые монологи хозяина дома, наконец-то восстановившегося после длительного душевного кризиса. На «воскресниках» у четы Веберов можно было встретить таких звезд тогдашнего немецкого академического мира, как Вильгельм Виндельбанд, глава баденской школы неокантианства, крупный правовед Георг Еллинек, экономист и коллега Вебера по изданию журнала «Архив социальной науки и социальной политики» Вернер Зомбарт, философ и религиовед Эрнст Трёлльч, известный социал-либерал и социальный реформатор Фридрих Науманн, политический социолог Роберт Михельс. Бывали здесь и начинающий философ из Будапешта Георг Лукач, в будущем один из отцов-основателей западного неомарксизма, и Карл Ясперс, который учился в Гейдельберге психологии, а затем стал крупнейшим немецким философом-экзистенциалистом.

В свою очередь, как показывает Г. Хюбингер в своей книге, этим кругом, который можно назвать гейдельбергским, окружение Макса Вебера не ограничивалось. Хюбингер считает возможным выделить по крайней мере четыре круга, в которых вращался сам Вебер и которые в той или иной степени вращались вокруг него. Но сначала необходимо сказать пару слов о такой форме самоорганизации академического сообщества, как «круг» или «кружок», и о происхождении самой идеи «круга Вебера».

Можно предположить, что эта идея имеет двоякое происхождение. С одной стороны, она восходит к биографии 1926 г., написанной его женой Марианной. В данном случае под кругом Вебера имеется в виду очерченный выше круг академических коллег, а также молодых ученых, которые были вхожи в дом Веберов, начиная с его профессуры во Фрейбурге, а после того как чета Веберов переехала в Гейдельберг, принимали участие в регулярных субботних встречах гейдельбергской профессуры. Здесь обсуждались самые разные проблемы академической, общественно-политической и культурной жизни. В Гейдельберге, куда чета Веберов переехала в 1896 г., после того как Вебер стал преемником профессора Карла Книса по кафедре политической экономии, «находятся новые, значительные друзья: Георг Еллинек, Пауль Хензель, Карл Нейман и прежде всего ровесник Вебера, теолог Эрнст Трельч, которого связывает с супружеской четой теплая дружба» [Вебер 2007 (1926): 202]. Эта практика участия Вебера в субботних встречах гейдельбергской профессуры внезапно прервалась в 1897 г. вследствие постигшего Вебера душевного кризиса. Она стала постепенно возобновляться после того, как Вебер в 1902 г. вернулся в Гейдельберг и получил здесь звание почетного профессора; с 1910 г. она принимает форму «воскресников» в родовом особняке четы Веберов.

С другой стороны, о «круге, сложившемся вокруг Макса Вебера» («Kreis um Max Weber») сразу после его кончины будет писать Эмиль Ледерер (1882–1939), который причислял к этому кругу и себя [Lederer 1920/1921]. Будучи экономистом и социологом, Э. Ледерер был близок к леворадикально настроенным венским кругам; в период с 1917 по 1922 г. он был ответственным редактором журнала «Архив социальной науки и социальной политики» и в этом качестве часто общался с М. Вебером. Поскольку почвой для контактов Ледерера с Вебером послужило издание журнала, он в своем некрологе, посвященном Веберу, настаивал на том, что «возникший вокруг “Архива” круг собственно был кругом Максом Вебера, и теперь, когда тот ушел от нас, этот круг находится в шоке и темноте. И никто не сможет поднять копье, выпавшее из его ослабевших рук» [Ibid.: IV].

32

Однако Марианна Вебер и Эмиль Ледерер были не единственными авторами, писавшими в 1920-е годы о «круге Макса Вебера». О нем также упоминает и философ Пауль Хонигсхайм [Honigsheim 1926] в своей статье «Круг Макса Вебера в Гейдельберге», который не только ввел само это понятие, но и попытался дать набросок характерного для этого круга понимания социологии. Более того, Хонигсхайм сформулировал и критерий, которому необходимо было соответствовать, чтобы иметь шанс на вхождение в сам этот круг. А именно, по его мнению, для этого надо было отличаться особым, в чем-то даже навязчивым «интеллектуализмом», характерным для «одержимых духом» («Besessensein im Geiste») [Ibid.: 271]. Еще один важный признак тех, кто принадлежал к кругу Макса Вебера в Гейдельберге в 1910–1920-х годах, — это обладание ярко выраженной индивидуальностью. По словам П. Хонигсхайма [Ibid.], «Макс Вебер объявил войну всякому институту, государству, церкви, партии, тресту, школьному собранию, т. е. всякому надындивидуальному образованию, все равно какого рода, которое выступает с притязаниями на метафизическую реальность или общезначимость. Он любил каждого, даже если тот был Доном Кихотом, кто пытался отстоять себя и индивида как такового перед необоснованными притязаниями институтов».

В свою очередь, опираясь на эти свидетельства из первых рук, Г. Хюбингер предлагает расширительное толкование того, что собой представляло академическое и интеллектуальное окружение М. Вебера, говоря не об одном, но о нескольких его «кругах». Однако следует сказать пару слов о том, что Хюбингер понимает, с точки зрения социологии знания, под «кругом». По его мнению, «круг» — это «выражаясь современным языком, совокупность людей; сеть, или структура из образов, идей и образцов порядка действительности; личностный центр и интеллектуальный обмен» [Hübinger 2019: 326].

Таковы те базовые критерии, которые автор книги выставляет для идентификации круга Макса Вебера.

Несмотря на то что Вебер часто в качестве иллюстрации отношений, складывающихся в кругу виртуозов-интеллектуалов, приводил пример харизматического вождя и его свиты (примером ему в данном случае служил круг поэта Стефана Георге), круг самого Вебера был устроен иначе. Применительно к нему нельзя вести речь о «наделенном благодатью вожде, ведущем за собой обуреваемое энтузиазмом юношество» [Ibid.]. В отличие от круга Стефана Георге «круг Вебера имел свободную структуру, состоял из индивидуальных личностей, был благодаря Веберу ориентирован на проблемы методического мышления и постижения мира с всемирно-исторической точки зрения, а также нацелен — в широком смысле слова — на либеральный диагноз эпохи. В его центре стоял антагонизм между демократией и капитализмом» [Ibid.]. В этом плане гейдельбергский круг Макса Вебера представлял собой в духовном и интеллектуальном плане полную противоположность кругу Стефана Георге. Для того чтобы попасть в него, надо было не подобострастно внимать духовному гуру, а, наоборот, демонстрировать свои выдающиеся «личностные качества» и уметь отстаивать свои индивидуальные убеждения.

33

Однако круг, который начал складываться вокруг М. Вебера в Гейдельберге с 1902–1903 гг. и принял свою каноническую институциональную форму в 1910–1920 гг., — лишь один из кругов, с которым он был связан в качестве политика и ученого в своей жизни. По мнению Хюбингера, можно говорить по крайней мере о четырех кругах, связанных с личностью, а также научно-преподавательской и общественно-политической деятельностью Макса Вебера. Два из них еще при жизни Вебера или сразу же после его смерти были признаны современниками и коллегами Вебера, еще два «открыты» впоследствии историками.

Первый круг, который обладает неопределенной и рыхлой структурой, — это круг противников рейхсканцлера Бисмарка из числа германских политиков и ученых, к которому Вебера можно отнести в силу его стойкого неприятия авторитарных методов правления этого создателя Германской империи. В семье Макса Вебера, отец которого Макс Вебер-старший был муниципальным берлинским политиком либерального толка и депутатом Рейхстага, в лице Бисмарка было принято видеть государственного деятеля, приведшего Германию к национально-государственному единству. Однако Вебер еще с юности довольно критично относился к наследию Бисмарка в немецкой политике, что было нехарактерно для его семейного круга, равно как и для политического окружения его отца. С возрастом критическое отношение Макса Вебера-младше-

го к авторитарным методам правления Бисмарка только окрепло. В статье «Политическое наследие Бисмарка», опубликованной в 1917 г., Вебер крайне отрицательно оценивает влияние канцлера на судьбы немецкой нации. «Он оставил после себя нацию, — писал Вебер, — без какого бы то ни было политического воспитания, гораздо ниже того уровня, которого она уже достигла в этом отношении за двадцать лет до его отставки. И, прежде всего, нацию без какой бы то ни было политической воли, привыкшую, что возглавляющий ее политический деятель уж как-нибудь позаботится за нее о политике» [Weber 1984: 449; Вебер 2003 (1918a): 125]. С этой точки зрения, М. Вебера можно причислить к кругу тех немецких либеральных ученых и политиков (центральная фигура среди них — крупнейший немецкий историк-античник Теодор Моммзен), которые видели в авторитарных методах правления первого канцлера Германской империи (1871-1890) и его нежелании находить язык с парламентом и его большинством одно из главных препятствий для развития немецкого модерна по демократическому пути.

34

Второй круг составилсЯ вокруг Союза социальной политики (Verein für Socialpolitik), на знамени которого был начертан лозунг «реальной политики». Участие в Союзе социальной политики сыграло большую роль в интеллектуальной и политической эволюции М. Вебера. Союз был образован в 1873 г. Он ставил своей целью эмпирическое исследование самых разных сторон процессов индустриализации и модернизации Германской империи и разработку на этой основе социальных реформ, которые позволили бы интегрировать низшие слои и классы немецкого общества в национально-государственное единство. Членами Союза были социальные ученые, социальные реформаторы, политики и государственные чиновники. Экономическая и социальная политика, за которую ратовали члены Союза, представляла собой противоположность экономическому либерализму с его принципом *laissez-faire*, с одной стороны, и идеям «социализации», которые развивала немецкая социал-демократия, с другой¹.

Именно на заседании Союза в Вене в 1909 г. разгорелись знаменитые дебаты, которые впоследствии историки окрестят «спором о ценностях» в социальных науках. На одном из заседаний экономист Ойген фон Филиппович выступил с докладом, в котором помимо всего прочего выдвинул тезис о том, что производительность народного хозяйства следует оценивать «с точки зрения повышения благополучия». Против такой постановки вопроса выступили со своими возражениями М. Вебер и Вернер Зомбарт, которые

1 Об истории Союза социальной политики см. [Gorges 1986].

не преминули указать на то, что в социальной науке не существует объективных критериев измерения благополучия, а ценностные суждения по поводу того, что следует понимать под последним, сильно различаются. Полемика о ценностях в социально-научном знании стала поводом для размежевания Вебера с Союзом и для учреждения Немецкого социологического общества, которое поставило своей целью социально-научное познание немецкого модерна.

Третий круг — это в известной степени превращенная в миф «Гейдельбергская среда». В центре этого круга стоял Вебер, личность которого служила центром притяжения для ученых и интеллектуалов самого разного склада. При этом важное отличие академического круга Вебера от других немецких кругов той поры, например, от юношеского движения (*Jugendbewegung*) в Германии или же от зародившегося несколько позже «Венского кружка», состояло в том, что у его участников не было общей программы или мировоззрения. Этот круг объединял людей самого разного интеллектуального склада, научных интересов и общественно-политических взглядов. Пожалуй, два общих момента, которые можно зафиксировать у участников светских раутов, которые устраивала чета Вебера, — это, как правило, общее происхождение из слоев имущей и образованной буржуазии и принадлежность к академическим кругам. Кроме того, участники кружка обладали ярко выраженной индивидуальностью.

35

Индивидуальная персональность в неустанной борьбе за самоопределение в рамках социальных порядков — так Г. Хюбингер определяет своеобразие тех, кто составлял круг М. Вебера в Гейдельберге. «Если в исторической перспективе, — пишет Хюбингер [Hübinger 2019: 332], — может иметь значение свобода индивида как культурлиберальная базовая идея, то Хонигсхайм с его антагонизмом индивида и институтов берет Вебера в свидетели для антропологической изначальной грамматики либерализма, и с полным на то правом». Это отграничивало круг Макса Вебера от культа переживания, в котором реформаторы жизни или участники молодежного движения видели царский путь к индивидуальному самоосвобождению. И это же отделяло его от религиозно-общинно-мистического в кружке во-круг Стефана Георге, который Хонигсхайм порицал за то, что «там, естественно, читали и, конечно, католицизировали мистиков, и там считалось хорошим тоном презрительно смотреть на XVIII век, который еще Трельч воспевал как прорыв к миру модерна, чтобы и во-все бранить либерализм по позыву души» [Honigsheim 1926: 284].

Наконец, четвертый круг — это круг издателей и авторов журнала «Архив социальной науки и социальной политики», с которым Вебер был тесно связан в первые десятилетия XX века. После того как в 1904 г. издание «Архива социальных наук и социальной политики»

перешло в руки триумvirата в лице Макса Вебера, Вернера Зомбарта и Эдгара Яффе, журнал стал рассматриваться его издателями как важнейший немецкоязычный форум для всех европейских ученых, занимавшихся проблемами развития капиталистического модерна на Западе. «С точки зрения истории науки, — пишет Г. Хюбингер [Hübinger 2019: 335], — «Архив» относится к числу важнейших социально-научных журналов XX века».

В написанном Вебером введении к первой тетради новой серии подчеркивалось, что журнал расширит свой прежний круг освещавшихся в нем вопросов до «исторического и теоретического познания *общего культурного значения капиталистического развития* в качестве той научной проблемы, которой “Архив” служит, и именно *потому*, что он исходит и должен исходить из вполне определенной специфической точки зрения, а именно: из экономической обусловленности культурных явлений. Он будет находиться в тесном контакте со смежными дисциплинами: с всеобщим учением о государстве, философией права, социальной этикой, социально-психологическими и обычно охватываемыми общим названием социологии исследованиями» [Jaffé, Sombart, Weber 1904: V].

36

Первоначально новая серия журнала была задумана как институциональная площадка, на которой молодые исследователи из Союза социальной политики могли публиковать свои изыскания. Отчасти так оно и было. Авторы «Архива» стремились посредством более тесного увязывания теории и эмпирии обосновать «двойной фронт противостояния Союза социальной политики против манчестерского капитализма», с одной стороны, и «антикапиталистического марксизма, с другой» и преодолеть догматическое противопоставление «исторической школы» теоретической национальной экономики «австрийской школе». В «Архиве» печатались самые разные авторы, чьи социально-научные аналитические исследования и социально-политические модели порядка сильно отличались друг от друга. Но речь всегда шла о прояснении перспектив либерально-социальной реформистской политики [Hübinger 2019: 335].

Иными словами, особенностью круга авторов и сотрудников «Архива» было то, что он был центрирован не на личности Макса Вебера как таковой, а на определенной теоретической программе, разработанной триумvirатом в лице В. Зомбарта, М. Вебера и Э. Яффе при участии Р. Михельса. Программа задавала ту общую систему координат, на которую авторам журнала следовало ориентироваться в своих публикациях. Определяющими темами выступали «реальная политика» в смысле социального реформизма и «капитализм». Во вступительной статье к новой серии журнала подобная ориентация его издателей прослеживается совершенно недвусмысленно. «Если “Архив” и будет заниматься социальной

политикой вообще, — читаем мы здесь, — то это и в будущем будет “реальная политика” на почве теперь уже неизменно данного» [Jaffé, Sombart, Weber 1904: IV]. Не остались без внимания издателей и особенности капиталистического развития обществ модерна и, прежде всего, их культурное значение. Именно вокруг этого проблемного ядра сформировался круг авторов «Архива», который действовал как до, так и после окончания Первой мировой войны [Hübinger 2019: 336]. В силу подобных принципов институциональной организации круг авторов и сотрудников «Архива», несмотря на опасения Э. Ледерера, не распался и после смерти Макса Вебера; он прекратил свое существование только в 1933 г. после установления нацистской диктатуры.

Что такое «парадигма Вебера»?

Последние десятилетия в академическом мире современной Германии и на Западе были отмечены активным развитием исследований, проводимых в духе так называемой «парадигмы Вебера». Что следует понимать под «парадигмой Вебера» в гуманитарных и социальных науках? С выходом в свет сборника «Парадигма Вебера. Исследования в области дальнейшего развития исследовательской программы Вебера» [Albert et al. 2003] появилась некоторая определенность в том, что касается содержания данной теоретической программы и путей ее дальнейшего развития.

37

Отправной точкой для развития «парадигмы Вебера» в социальных и гуманитарных науках послужило предложенное М. Вебером понимание задач «науки о культуре» (Kulturwissenschaft), т. е. социологии как науки, «которая намерена, истолковывая, понять социальное действие и тем самым дать причинное объяснение его протекания и его результатов» [Weber 2013: 149; Вебер 2017: 328]. С точки зрения методологии социально-научного познания, «парадигма Вебера» основана на сочетании герменевтически-смыслопонимающих, типизирующие-сравнительных и причинно-сводящих методов. Сам тип теоретико- и историко-социологических построений, созданных в рамках данной парадигмы, ни в коем случае не следует понимать как попытку сформулировать еще один «великий исторический нарратив» наподобие тех, что были подвергнуты критике Ж.-Ф. Лиотаром [1998 (1979)] в его книге «Состояние постмодерна». Совсем наоборот, речь идет исключительно о специфическом «сцеплении обстоятельств» [Weber 2016: 101; Вебер 1990 (1920): 44] в открытых исторических ситуациях и об их изучении с помощью аналитических понятий и методологических подходов, характерных для теоретической и исторической социологии Вебера.

Наиболее точное определение, что собой представляет «парадигма Вебера» в социальных и гуманитарных науках, дал Райнер Марио Лепсиус. По его словам, она разворачивается в концептуальном пространстве, «центрированном на трех полюсах: протекании действия, структурных образованиях и проекциях смысла. Все они воздействуют друг на друга, и ни одно из них не сводимо к другому. Подобное устройство предмета познания придает веберовской социологии ее внутреннюю динамику, которая принуждает к постоянному испытанию констелляций, в рамках которых протекает социальное действие, складываются координаты действия и осуществляется придание смысла» [Lepsius 2003: 33].

На что могут рассчитывать ученые сегодня, опираясь в своих исследованиях на «парадигму Вебера»? По мнению Г. Хюбингера [Hübinger 2019: 362], «парадигма Вебера» дает историкам шанс написать европейскую историю Нового времени как историю богатой на проблемы и противоречия динамики рационализации бюрократических конституционных государств, капиталистической экономической системы и плюралистических культурных миров. Вопрос заключается в том, сможет ли «парадигма Вебера» послужить надежной основой для адекватной постановки проблемы «кризисов модерна» и для диагностики современной ситуации?

Как отмечают известные немецкие вебероведы Томас Швинн и Герт Альберт, сегодня «востребованы усилия, направленные на развитие и раскрытие веберовской социологии в сопоставлении с современными проблемами... Если в трудах Макса Вебера в центре внимания находится реконструкция и объяснение исторических условий возникновения и утверждения современности, то его актуализированная теория должна подтверждать себя и в диагностике, и в прогнозировании динамики развитого модерна» [Schwinn, Albert 2016: 5; Швинн, Альберт 2017: 203].

Спрашивается, какой идеей следует руководствоваться на этом пути? Отправной точкой здесь может служить разложение «западного модерна» в его организованной форме, которое идет с начала 1970-х годов. Если для М. Вебера [Weber 2016: 101] было чем-то само собою разумеющимся характеризовать себя как «сына современного европейского культурного мира», то сегодня подобные характеристики, сделанные в единственном числе, давно вышли из моды. Хотя понятия «модерн» и «культура» продолжают активно использоваться в дискурсе современных социальных и гуманитарных наук, употребляются они, как правило, не в единственном, а во множественном числе. Интеллектуалы рассуждают теперь о «постмодерне», социологии-теоретики — о множественной современности или о множественных модернах (multiple modernities),

а историки — о «множественных глобализациях» (multiple globalisations) и о «глобальной истории» (global history).

Для «парадигмы Вебера», которая в качестве предмета своего исследования берет всемирно-исторические взаимосвязи жизненного поведения личности в рамках определенных жизненных порядков и стремится к рациональному прояснению происхождения и антиномий современного жизненного мира, эта перемена точек зрения на современный мир влечет за собой колоссальные последствия. Приуроченная к 150-летию со дня рождения Макса Вебера конференция в Гейдельберге (2014), выявила две основополагающие стратегии, которыми руководствуются в своих исследованиях ученые, работающие в рамках «парадигмы Вебера». Как правило, большинство прибегает к избирательному использованию определенных веберовских понятий в своих собственных эмпирических исследованиях. Так, к примеру, изучают неолиберальную политику либерализации финансовых рынков с помощью понятия «харизмы», заимствованного у М. Вебера, или же говорят о «бюрократизации» структур управления Европейского союза. Меньшая же часть исследователей стремится к критическому переосмыслению веберовской исторической теории модерна и его интерпретации «западного рационализма» [Hübinger 2019: 373]. С учетом того, что социальные и гуманитарные исследования академического профиля обладают изрядной инерционностью, не будет большой ошибкой предположить, что именно в этих двух направлениях будут развиваться в ближайшие годы социогуманитарные исследования, проводимые в рамках «парадигмы Вебера».

39

Библиография / References

- Арон Р. (1993 [1967]) *Этапы развития социологической мысли*, М.: Прогресс.
- Aron R. (1993 [1967]) *Main Currents of Sociological Thought*, Moscow: Progress. — in Russ.
- Вебер М. (1990 [1913]) О некоторых категориях понимающей социологии. М. Вебер. *Избранные произведения*, М.: Наука: 495–546.
- Weber M. (1990 [1913]) On some categories of interpretative sociology. M. Weber. *Selected Works*, Moscow: Progress: 495–546. — in Russ.
- Вебер М. (1990 [1917]) Наука как призвание и профессия. М. Вебер. *Избранные произведения*, М.: Наука: 707–735.
- Weber M. (1990 [1917]) Science as a Vocation. M. Weber. *Selected Works*, Moscow: Progress: 707–735. — in Russ.
- Вебер М. (1990 [1917]) Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке. М. Вебер. *Избранные произведения*, М.: Наука: 547–601.

— Weber M. (1990 [1917]) The Meaning of “Ethical Neutrality” in Sociology and Economics. M. Weber. *Selected Works*, Moscow: Progress: 547–601. — in Russ.

Вебер М. (1990 [1919]) Политика как призвание и профессия. М. Вебер. *Избранные произведения*, М.: Наука: 644–706.

— Weber M. (1990 [1919]) Politics as a Vocation. M. Weber. *Selected Works*, Moscow: Progress: 644–706. — in Russ.

Вебер М. (1990 [1920]) Предварительные замечания. М. Вебер. *Избранные произведения*, М.: Наука: 44–60.

— Weber M. (1990 [1920]) Preliminary Remarks. M. Weber. *Selected Works*, Moscow: Progress: 44–60. — in Russ.

Вебер М. (1994 [1920]) Хозяйственная этика мировых религий. Введение. М. Вебер. *Избранное. Образ общества*, М.: Юрист: 43–77.

— Weber M. (1994 [1920]) Economical Ethics of World Religion. Introduction. M. Weber. *Selections. The Image of Society*, Moscow: Yurist: 43–77. — in Russ.

Вебер М. (2003 [1918a]) Парламент и правительство в новой Германии. М. Вебер. *Политические работы (1895–1919)*, М.: Праксис: 107–293.

— Weber M. (2003 [1918a]) Parliament and Government in Germany under a New Political Order. M. Weber. *Selected Political Writings (1895–1919)*, Moscow: Praxis. — in Russ.

40

Вебер М. (2007 [1926]) *Жизнь и творчество Макса Вебера*, М.: РОССПЭН.

— Weber M. (2007 [1926]) *Max Weber: A Biography*, Moscow: ROSSPEN. — in Russ.

Вебер М. (2016) Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. I. *Социология*, М.: ИД ВШЭ.

— Weber M. (2016) Economy and Society. In 4 vol. Vol. I. Sociology, Moscow: Publishing House of High School of Economics. — in Russ.

Вебер М. (2017) Основные социологические понятия. М. Вебер. *Власть и политика*, М.: РИПОЛ классик: 327–410.

— Weber M. Basic Sociological Terms. M. Weber. *Power and Politics*, Moscow: RIPOL classics: 327–410. — in Russ.

Каубе Ю. (2016) *Макс Вебер: Жизнь на рубеже двух эпох*, М.: ИД «Дело».

— Kaube J. (2016) *Max Weber. The Life at the Turn of Two Centuries*, Moscow: Delo. — in Russ.

Коллинз Р. (2009) *Четыре социологические традиции*, М.: ИД «Территория будущего».

— Collins R. (2009) *Four Sociological Traditions*, Moscow: Publishing House “The Territory of the Future”. — in Russ.

Лиотар Ж.-Ф. (1998 [1979]) *Состояние постмодерна*, СПб.: Алетейя.

— Lyotard J.-F. (1998 [1979]) *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*, Sankt-Petersburg: Aletheja. — in Russ.

Маркс К., Энгельс Ф. (1955 [1848]) Манифест Коммунистической партии. К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. Изд. 2-е. Т. 4, М.: Госполитиздат: 419–459.

- Marx K., Engels F. (1955 [1848]) *The Communist Manifesto*. K. Marx, F. Engels. *Works*, 2nd ed. Vol. 4, Moscow: Gospolitizdat: 419–459. — in Russ.
- Токвиль А. де. (1992) *Демократия в Америке*, М.: Прогресс.
- Tocqueville A. (1992) *Democracy in America*, Moscow: Progress. — in Russ.
- Фуллер С. (2018) *Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии*, М.: ИД «Дело».
- Fuller S. (2018) *The Sociology of Intellectual Life. The Career of the Mind in and around the Academy*, Moscow: Delo. — in Russ.
- Хобсбаум Э. (1999a) *Век революции. Европа 1789–1848*, Ростов-на-Дону: Феникс.
- Hobsbawn E. (1999a) *The Age of Revolution. Europe 1789–1848*, Rostov-on-Don: Fenix. — in Russ.
- Хобсбаум Э. (1999b) *Век империи, 1875–1914*, Ростов-на-Дону: Феникс.
- Hobsbawn E. (1999b) *The Age of Empire, 1875–1914*, Rostov-on-Don: Fenix. — in Russ.
- Шарль К. (2005) *Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века*, М.: Новое издательство.
- Charle C. (2005) *Intellectuels in France: The Second half of the XIX Century*, Moscow: Novoe izdatel'stvo. — in Russ.
- Швинн Т., Альберт Г. (2017) Старые понятия — новые проблемы: социология Макса Вебера в свете актуальных вызовов. *Социологическое обозрение*, (2): 198–217.
- Schwinn T., Albert G. (2017) Old Concepts — New Problems: The Sociology of Max Weber in the Light of New Challenges. *Russian Sociological Review*, (2): 198–217. — in Russ.
- Albert G. u.a. (Hgg.). (2003) *Das Weber-Paradigma. Studien zur Weiterentwicklung von Max Webers Forschungsprogramm*, Tübingen: Mohr Siebeck.
- Andreski S. (1984) *Max Weber's Insights and Errors*, L.: Routledge & Kegan Paul.
- Baehr P. (2004) Max Weber and the Avatars of Caesarism. P. Baehr, M. Richter (eds). *Dictatorship in History and Theory. Bonapartism, Caesarism and Totalitarianism*, Cambridge: Cambridge University Press: 155–174.
- Baumgarten E. (1964) *Max Weber. Werk und Person*, Tübingen: Mohr Siebeck.
- Bayly C.A. (2014) *The Birth of the Modern World, 1780–1914. Global Connections and Comparisons*, Oxford: Oxford University Press.
- Beetham D. (1985 [1974]) *Max Weber and the Theory of Modern Politics*, Cambridge: Polity Press.
- Bendix R. (1962) *Max Weber. An Intellectual Portrait*, N.Y.: Anchor Books.
- Breuer S. (1991) *Max Webers Herrschaftssoziologie*, Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus.
- Breuer S. (1994) *Bürokratie und Charisma: zur politischen Soziologie Max Webers*, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Collins R. (1986) *Weberian Sociological Theory*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Collins R. (1994) *Four Sociological Traditions*, Oxford: Oxford University Press.
- Dahrendorf R. (1965) *Gesellschaft und Demokratie in Deutschland*, München: Piper.

- Ferrarotti F. (1978) *Max Weber. La vita — il pensiero — le opere*, Milano: Edizioni Accademia.
- Ferrarotti F. (1982) *L'orfano di Bismark. Max Weber e il suo tempo*, Roma: Editori Riuniti.
- Freund J. (1966) *Sociologie de Max Weber*, Paris: P. U. F.
- Fügen H. N. (1985) *Max Weber*, Hamburg: Rowohlt.
- Giddens A. (1971) *Capitalism and Modern Social Thought*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Giddens A. (1972) *Politics and Sociology in the Thought of Max Weber*, L.: Macmillan.
- Gorges I. (1986) *Sozialforschung in Deutschland 1872–1914. Gesellschaftliche Einflüsse auf Themen- und Methodenwahl des Vereins für Sozialpolitik*, Frankfurt a. M.: Haim.
- Hanke E., Hübinger G., Schwenkter W. (2010) Die Entstehung der Max Weber-Gesamtausgabe und der Beitrag von Wolfgang J. Mommsen. Corneließen C. (Hrsg.). *Geschichtswissenschaft im Geist der Demokratie. Wolfgang J. Mommsen und seine Generation*, Berlin: Akademie Verlag: 207–238.
- Hennis W. (1987) *Max Webers Fragestellung. Studien zur Biographie des Werks*, Tübingen: Mohr Siebeck.
- Honigsheim P. (1926) Der Max-Weber-Kreis in Heidelberg. *Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie*, (5): 270–287.
- Hübinger G. (2019) *Max Weber. Stationen und Impulse einer intellektuellen Biographie*, Tübingen: Mohr Siebeck.
- Jaffé E., Sombart W., Weber M. (1904) Geleitwort der Herausgeber. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* (19): I–VII.
- Jellinek G. (1900) *Allgemeine Staatslehre*, 1. Aufl. Berlin.
- Käsler D. (2014) *Max Weber: Preuße, Denker, Muttersohn: Eine Biographie*, München: Beck.
- Kaube J. (2014) *Max Weber: Ein Leben zwischen den Epochen*, Berlin: Rowohlt.
- König R., Winkelmann J. (Hrsg.) (1963) *Max Weber zum Gedächtnis: Materialien und Dokumente zur Bewertung von Werk und Persönlichkeit*, Köln: Westdeutscher Verlag.
- Lederer E. (1920/1921) Max Weber †. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* (48): I–IV.
- Lepsius R.M. (1990) *Interessen, Ideen und Institutionen*, Köln: Westdeutscher Verlag.
- Lepsius R.M. (2003) Eigenart und Potenzial des Weber-Paradigmas. Albert G. u.a. (Hgg.). *Das Weber-Paradigma. Studien zur Weiterentwicklung von Max Webers Forschungsprogramm*, Tübingen: Mohr Siebeck: 32–41.
- Lepsius R.M. (2016) *Max Weber und seine Kreise*, Tübingen: Mohr Siebeck.
- Löwenstein K. (1965) *Max Webers staatspolitische Auffassung aus der Sicht unserer Zeit*, Frankfurt a. M.: Athenäum.
- Mayer J.P. (1956) *Max Weber and German Politics. A Study in Political Sociology*, 2nd ed. L.: Faber.
- Mitzman A. (1969) *The Iron Cage. A Historical Interpretation of Max Weber*, N.Y.: Knopf.
- Mommsen W. (1974a) *Max Weber und die deutsche Politik 1890–1920*, 2. Aufl, Tübingen: Mohr Siebeck.

- Mommsen W. (1974b) *Max Weber. Gesellschaft, Politik und Geschichte*, Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
- Müller H.-P. (2007) *Max Weber. Eine Einführung in sein Werk*, Köln: Böhlau.
- Radkau J. (2005) *Max Weber. Die Leidenschaft des Denkens*, München: Hanser.
- Raphael L. (2011) *Imperiale Gewalt und mobilisierte Nation. Europa 1914–1945*, München: C.H. Beck.
- Ringer F. (2004) *Max Weber. An Intellectual Portrait*, Chicago: The University of Chicago Press.
- Roth G. (2001) *Max-Webers deutsch-englische Familiengeschichte 1800–1950*, Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck).
- Scaff L.A. (1989) *Fleeing the Iron Cage: Culture, Politics, and Modernity in the Thought of Max Weber*, Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- Scaff L.A. (2013) *Max Weber in Amerika*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Sukale M. (2002) *Max Weber: Leidenschaft und Disziplin*, Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck).
- Schwinn T., Albert G. (2016) Einleitung. T. Schwinn, G. Albert (Hgg.) *Alte Begriffe — Neue Probleme. Max Weber Soziologie im Lichte aktueller Problemstellungen*, Tübingen: Mohr Siebeck: 1–19.
- Wagner P. (1994) *A Sociology of Modernity. Liberty and Discipline*, L.: Routledge.
- Weber M. (1926) *Max Weber. Ein Lebensbild*, Tübingen: Mohr Siebeck.
- Weber M. (1984) *Zur Politik im Weltkrieg: Schriften und Reden 1914–1918*, hrsg. v. W.J. Mommsen, in Zus.-Arb. m. G. Hübinger (Max-Weber-Gesamtausgabe. Band I/15), Tübingen: Mohr Siebeck.
- Weber M. (1988) *Zur Neuordnung Deutschlands. Schriften und Reden 1918–1920*, hrsg. v. W.J. Mommsen, in Zus.-Arb. m. W. Schwentker (Max-Weber-Gesamtausgabe. Band I/16), Tübingen: Mohr Siebeck.
- Weber M. (1989) *Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen. Konfuzianismus und Taoismus. Schriften 1915–1920*, hrsg. v. H. Schmidt-Glintzer in Zus.-Arb. m. P. Kolonko (Max-Weber-Gesamtausgabe. Band I/19), Tübingen: Mohr Siebeck.
- Weber M. (1992) *Wissenschaft als Beruf 1917/1919 / Politik als Beruf 1919*, hrsg. v. W.J. Mommsen, W. Schluchter in Zus.-Arb. m. B. Morgenbrod (Max-Weber-Gesamtausgabe. Band I/17), Tübingen: Mohr Siebeck.
- Weber M. (2009) *Allgemeine Staatslehre und Politik (Staatssoziologie) — unvollendet. Mit- und Nachschriften 1920*, hrsg. v. G. Hübinger in Zus.-Arb. m. A. Terwey (Max Weber-Gesamtausgabe. Band III/7), Tübingen: Mohr Siebeck.
- Weber M. (2013) *Wirtschaft und Gesellschaft. Soziologie. Unvollendet. 1919–1920*, hrsg. v. K. Borchhardt, E. Hanke u. W. Schluchter (Max-Weber-Gesamtausgabe. Band I/23), Tübingen: Mohr Siebeck.
- Weber M. (2015) *Briefe 1903–1905*, hrsg. v. G. Hübinger u. M. Rainer Lepsius in Zus.-Arb. m. Th. Gerhards u. S. Oßwald-Bargende (Max Weber-Gesamtausgabe. Band II/4), Tübingen: Mohr Siebeck.
- Weber M. (2016) *Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. Die protestantischen Sekten und der Geist des Kapitalismus. Schriften 1904–1920*, hrsg. v.

W. Schluchter in Zus.-Arb. m. U. Bube. (Max Weber-Gesamtausgabe. Band I/18), Tübingen: Mohr Siebeck.

Weber M. (2017a) *Briefe 1875–1886*, hrsg. v. G. Hübinger in Zus.-Arb. m. Th. Gerhards u. U. Hinz (Max Weber-Gesamtausgabe. Band II/1), Tübingen: Mohr Siebeck.

Weber M. (2017b) *Briefe 1887–1894*, hrsg. v. R. Aldenhoff- Hübinger in Zus.-Arb. m. Th. Gerhards u. S. Oswald-Bargende. (Weber-Gesamtausgabe. Band II/2), Tübingen: Mohr Siebeck.

Weber M. (2018) *Verstehende Soziologie und Werturteilsfreiheit. Schriften und Reden 1908–1917*, hrsg. v. J. Weiß in Zus.-Arb. m. S. Frommer (Max-Weber-Gesamtausgabe. Band I/12), Tübingen: Mohr Siebeck.

Рекомендация для цитирования:

Дмитриев Т.А. (2020) Макс Вебер: вехи интеллектуальной биографии. *Социология власти*, 32 (4): 8–44.

For citations:

Dmitriev T.A. (2020) Max Weber: Milestones of an Intellectual Biography. *Sociology of Power*, 32 (4): 8–44.

Поступила в редакцию: 20.12.2020; принята в печать: 26.12.2020

Received: 20.12.2020; Accepted for publication: 26.12.2020